

Л. Андреев

Царь голод

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-2
ББК 84-6
Л11

Л11 **Л. Андреев**
Царь голод / Л. Андреев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 57 с.

ISBN 978-5-4241-2186-9

Писатель, прозаик и драматург Леонид Николаевич Андреев - один из самых ярких представителей Серебряного века русской литературы. Его грустные, трогательные, пронзительные, глубокие произведения учат милосердию, состраданию и доброте.

ISBN 978-5-4241-2186-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Л. Андреев, 2021

Леонид Андреев
Царь Голод
Представление в пяти
Картинах с Прологом

Посвящается А. М. А.

Пролог

Царь Голод клянется в своей верности голодным Ночь.

Верхушка старинной соборной колокольни. Позади ее – ночное городское небо; внизу оно резко окрашено заревом городских уличных огней, вверху постепенно мутнеет, свинцовеет и переходит в черную, нависающую, тяжелую тьму. Там, где небо светло, на фоне его резко и отчетливо, как вырезанные из черного картона, вычерчиваются черные столбы, стропила, колокола и решетки церковной башни. Книзу башня переходит в черные, резкие и немного непонятные силуэты церковных кровель, каких-то труб, похожих на неподвижные человеческие фигуры, которые к чему-то прислушиваются, статуи, заглядывающих вниз. Только кое-где на этом черном кружеве видны отсветы низких городских огней: тускло поблескивают крутые бока колокола, желтеют округлые края колонн; на статуе ангела, бросающегося вниз с распростертыми руками, слабо озарены лицо, грудь и верхушки крыльев.

На площадке колокольни находятся трое: **Царь Голод, Смерть и старое Время-Звонарь.**

Смерть стоит совершенно неподвижно, лицом сюда, и черный силуэт ее рисуется так: маленькая, круглая головка на длинной шее, довольно широкие четырехугольные плечи; все линии прямые и сухие. Окутана Смерть сплошным черным полупрозрачным покрывалом, облегающим узко; сквозь ткань чувствуется даже как будто видится скелет. Почти так же неподвижно и только изредка качает головой старое Время. И голова у него большая, с огромной, косматой старческой бородою и волосами; в профиль виден большой строгий нос и нависшие мохнатые брови.

Царь Голод движется беспокойно и страстно, так что трудно составить представление о его фигуре. Заметно только, что он высок и гибок.

Разговаривают **Время-Звонарь, Царь Голод и Смерть.**

– Ты снова обманешь, Царь Голод. Уже столько раз ты обманывал твоих бедных детей и меня.

– Поверь, старик.

– Как я могу поверить обманщику?

– Поверь еще раз. Только раз еще поверь мне, старик! Я никогда не лгал. Я обманывался сам. Несчастный царь на разрушенном троне, я обманывался сам. Ты знаешь ведь, как хитер, как лжив, как увертлив человек.

И я губил моих бедных детей, их тощими трупами я кормил Смерть...

(Показывает рукою на Смерть.)

Все такая же неподвижная. Смерть перебивает его скрипучим, сухим и очень спокойным голосом: как будто заскрипели среди ночи старые, заржавленные, давно не открывавшиеся ворота.

– Да, – но я еще не сыта.

Время. Ты никогда не бываешь сыта. Столько уже съела ты на моих глазах, и все такая же сухая и жадная.

Царь Голод. Но теперь я дам ей более сытную пищу. Довольно наглодалась она костей, как дворовая собака на привязи, – пусть теперь потешится разгульно над здоровыми, толстыми, жирными, у которых кровь такая красная, и густая, и вкусная. Смерть, дай мне руку, ты поблаговаришь меня – в честь твою будет

праздник!

Смерть (*не протягивая руки, говорит тем же скрипучим голосом*). Да, – но я никогда не благодарю.

Время. Ты лжешь, Царь Голод!

Царь Голод. Посмотри на мое лицо – разве не страшно оно? Взгляни на мои глаза – ты увидишь в темноте, как горят они огнем кровавого бунта.

Время настало, старик! Земля голодна. Она полна стонами. Она грезит бунтом.

Ударь же в свой колокол, старик, раздери до ушей его медную глотку! Пусть не будет спящих!

Время (*колеблясь*). Правда, когда наступает ночь и тишиною одевается время, оттуда – снизу – приходят слабые стоны... плач детей...

Царь Голод (*протягивает руку к городу*). Это оттуда, из проклятого города.

Время (*качает головою*). Нет, еще дальше. Вопли женщин, хрипение стариков, вой псов голодных...

Царь Голод. Это оттуда-с полей, из глубины умирающих деревень!

Время. Нет, еще дальше, еще дальше... Как будто стон всей земли слышу я, и это не дает мне спать. Я старик, я устал, мне нужно спать, а они не дают. Мне хочется умереть. Смерть, старая подруга, когда же ты возьмешь меня?

Смерть молчит, и старое Время грустно никнет головою.

Царь Голод. Ударь в колокол! Я также несчастен. Я также хотел бы умереть. Бедные дети мои, – хотел я создать царство сильных, а создал лишь царство убийц, тупоумных, лжецов. Я не царь, я жалкий приспешник, а моя корона, моя великая кровавая корона – игрушка их детей. Убей же их, Время, ударь в твой колокол! Ударь!

Время. Ты уже говорил это когда-то. И обманул.

Царь Голод. Тогда я сам сомневался.

Время. А теперь?

Царь Голод. Взгляни на моих детей! Спроси у Смерти, она никогда не лжет. Безропотные доселе, теперь они встречают ее бурей негодования, проклятиями, гневом!

Смерть (*говорит тем же сухим, спокойным голосом*). Да – они спорят немного.

Царь Голод. Дай твою руку. Смерть!

Смерть не дает руки и молчит. Тишина. На башне в темноте медленно и печально звонят часы.

Время (*колеблясь*). Я начинаю верить. Мне так хочется отдохнуть – умереть.

Царь Голод. Тогда не будет времени! О милый колокол, ты принесешь нам покой и отдых! Дай нежно прикоснуться к тебе моей усталой головою. (*Ласкает колокол, целует нежно его крутые бока. Потом молча делает вид, что звонит; и тихонько, глядя на него, сухим, отрывистым смешком хохочет Смерть.*)

Время. Ты смеешься, Смерть?

Смерть. Да – немного.

Время. Ты рада? Или ты смеешься над моей доверчивостью? Но есть правда в его словах, и колокол знает это. Ночью, когда все спит и только, изнемогая, стонет земля, по его бокам пробегают тихие шорохи, незаметные, слабые звоны. Словно тысячи незримых рук ощупывают, и ласкают, и спрашивают: сохранился ли голос у меди? Страшно ночью на колокольне, когда мерцает внизу город

неугасающими огнями и стонет в кошмаре земли... Ты слышишь?

Все прислушиваются. Царь Голод отшатнулся от колокола и слушает, напряженно выкинув руки. И тихо, звенящим шелестом вздыхает колокол и замолкает.

Смерть. Да – звенит немного.

Царь Голод. Ты слышишь! Земля требует бунта. Торопись, старик!

Время. И так каждую ночь. Как трудно слышать это.

Царь Голод. Скоро ты услышишь другие крики. В них будет гнев!

Время. И боль.

Царь Голод. Нет, гнев, гнев! Боли всегда, много у земли. Гнев, гнев, старик!

Где-то внизу, в светлеющей глубине, трижды – протяжно – трубит хриплый рог. Начинаясь на низкой ноте, звук медленно замирает на высокой – чувствуется в нем тоскливый и страшный призыв. И еще раз, где-то вдали, повторяется протяжный и тоскливый зов.

Смерть. Меня зовут. *(Исчезает.)*

Некоторое время стоит молчание. Невидимые огни в городе несколько мутнеют, блекнут, и с одной стороны высоко начинает играть и колыхаться беззвучно красноватое зарево. По-видимому, где-то в городе начался пожар.

Время. Ушла Смерть.

Царь Голод. Ее позвали.

Время. Нет, скажи, зачем она убила моего голубя? Здесь на крыше жил голубь, стучал лапками по железу и радовал меня, – а она его убила.

Царь Голод смеется громко.

Чему ты?

Царь Голод. Так. Я очень люблю ее.

Время. Вот ты смеешься, и я опять не верю тебе. Теперь ты один – скажи мне правду, Царь Голод. Ты великий предатель, ты лжец передо всеми, ты вовлекаешь людей в безумные поступки и потом смеешься над ними. Но сейчас?..

Царь Голод *(произносит торжественно и твердо).* Клянусь.

Время. Ты дашь голодным победу?

Царь Голод. Клянусь.

Время. И мне ты дашь покой?

Царь Голод. Клянусь.

Время *(вздыхает).* Я верю тебе. И я ударю в колокол, когда ты этого захочешь.

Царь Голод. Это будет скоро. Я устал.

Время. И я устал.

Утомленно кладет большую, лохматую голову на каменную балюстраду.

Растущее дерево окрашивает красным его седые волосы и длинную худую руку, лежащую на перилах.

Царь Голод *(так же утомленно садится у ног и кладет голову на его колени. И говорит).* Опять у них горит что-то. Но я устал. Я не пойду туда сегодня. Я побуду с тобою. У тебя так тихо.

Время. У меня страшно.

Царь Голод. Там еще страшнее. Я был везде, и страшнее всего у человека. Спой мне твою песенку. Время, дай отдохнуть великому и несчастному царю.

При блеске разгорающегося зарева Время поет тихим старческим голосом.

Песенка Времени

...Жил на башне голубь – голубь. Стучал лапками по железу – голубь, голубь. Пришла Смерть и взяла голубя. Все падает, все рушится, и все рождается вновь. О безначальность, мать моя! О деточки мои – секундочки, минуточки, годочки – о бесконечность, дочь моя!..

Уже полнеба охвачено заревом, и уже не колышется плавно, а мечется и прыгает оно. Но на башне спокойно и тихо; и печально, с покорностью вызывают часы, отмечая незримо бегущее время.

Опускается занавес.

Картина первая

Царь Голод призывает к бунту работающих

Первое, что с силой овладевает сторонним зрителем, – это многоголосый, сложный, но ритмичный шум от работы машин и тысяч приставленных к ним людей. Равномерные тяжелые вздохи паровиков, жужжание и свист вертящихся колес, шест бесконечно бегущих ремней; глухие, редкие, сотрясающие землю удары больших механических молотов. На фоне этих мертвых, тяжелых, жестоко-неизменных звуков, как будто уже не зависящих от воли человека, – живой, меняющийся, но ритмичный стук многочисленных маленьких молотков.

Различные по тону и силе звука, они то сливаются в общий, живой, говорливый поток, то разбегаются в одиночку, слабеют, становятся жалобны и тихи – как стая певчих птиц в лесу, разогнанных коршуном. В общем получается какая-то мелодия, напоминающая песенку Времени.

При раскрытии занавеса глазам представляется, в черном и красном, внутренность завода. Красное, огненное – это багровые светлы из горна, раскаленные полосы железа, по которым, извлекая искры, бьют молотами черные тени людей. Черное, бесформенное, похожее на сгустившийся мрак – это силуэты чудовищных машин, странных сооружений, имеющих грозную видимость ночного кошмара. Угрюмо-бесстрастные, они налегли грудью на людей и давят их своею колоссальною тяжестью. И столбы, подпирающие их, похожи на лапы чудовищных зверей, и их черные грозные массы – на тела животных, на исполинских птиц с распростертыми крыльями, на амфибий, на химер. Тяжесть, и покой, и мрак; и будто смотрят отовсюду широко открытые, недвижные слепые глаза.

И как маленькие черные тени копошатся внизу люди. Суетливости нет в их движениях, нет живой и порывистой свободы жеста. И говорят и движутся они размеренно и механично, в ритме молотов и работающих машин; и когда кто-нибудь вдруг выступает отдельно, то кажется, что это откололась частица черной машины, странного сооружения, похожего на неведомое чудовище.

Звуки работающих молотов и машин то усиливаются, то затихают. И голоса людей вливаются в этот хор незаметно, звучат в унисон: то живые и звонкие, то глухие, отрывистые, тупые – почти мертвые.

Жалобы работающих

– Мы голодны.

– Мы голодны.

– Мы голодны.

Трижды отрывисто ударяет большой молот.

– Мы задавлены машинами.

– Мы задыхаемся под их тяжестью.

– Железо давит.

– Гнет чугун.

– О, какая безумная тяжесть! Точно гора надо мною!

– Надо мной вся земля.

– О, какая безумная тяжесть!

Удар молота.

– Меня плющит железный молот. Он выдавливает кровь из моих жил – он

ломает кости – он делает меня плоским, как кровельное железо.

– Между валами протягивают мое тело, и оно становится узкое, как проволока. Где мое тело? Где моя кровь? Где моя душа?

– Меня кружит колесо.

– День и ночь визжит пила, разрезая сталь. День и ночь в моих ушах визжит пила, разрезая сталь. Все сны, что я вижу, все слова и песни, что я слышу, – это визг пилы, разрезающей сталь. Что такое земля? Это визг пилы.

Что такое небо? Это визг пилы, разрезающей сталь. День и ночь.

– День и ночь.

– День и ночь.

Удар молота. Трижды.

– Мы задавлены машинами.

Звонкий рыдающий голос. Мы сами части машин.

– Я молот.

– Я шелестящий ремень.

– Я рычаг.

Слабый голос. Я маленький винтик с головою, разрезанной надвое. Я ввинчен наглухо. И я молчу. Но я дрожу общей дрожью, и вечный гул стоит в моих ушах.

– Я маленький кусочек угля. Меня бросают в печь, и я даю огонь и тепло. И вновь бросают, и вновь горю я неугасимым огнем.

– Мы огонь. Мы раскаленные печи.

– Нет. Мы пища для огня.

– Мы машины.

– Нет. Мы пища для машин.

– Мне страшно.

– Мне страшно.

Удар молота. Голоса звучат испуганно и жалобно.

– О, страшные машины!

– О, могучие машины!

– Будем молиться. Будем молиться машинам.

Гимн машине

Кто сильнее всех в мире? Кто страшнее всех в мире? Машина. Кто всех прекраснее, богаче и мудрее? Машина. Что такое земля? Машина. Что такое небо? Машина. Что такое человек? Машина. Машина.

Трижды, мрачно соглашаясь, ударяет молот.

Ты, стоящая над миром, – ты, владычица тел, помыслов и душ наших, – ты, славная, бессмертная, премудрая машина, – пощади нас! Не убивай нас – не калечь – не мучь так ужасно! Ты, безжалостнейшая из безжалостных, скованная из железа, дышащая огнем, – дай нам хоть немного свободы! Сквозь копоть твоих стекол, сквозь дым твоих труб мы не видим неба, мы не видим солнца!

Пощади нас!

На мгновение умолкают маленькие живые молотки, и трижды безжалостно и тупо ударяет в темноте большой молот. И уже слышны отдельные возмущенные голоса.

– Она не слышит!

- Она глухая, – дьявол!
- Она лжет!
- Издевается над нами!
- Мы работаем для других!
- Всё для других!
- Мы льем пушки.
- Мы куем звонкое железо.
- Мы приготавливаем порох.
- Создаем заводы.
- Города.
- Всё для других.
- Братья! Мы куем собственные цепи!

Чистый, живой, резкий, негодующий стук маленьких живых молотков. И в такт ударам негодующие голоса.

- Каждый удар – новое звено.
- Каждый удар – новая заклепка.
- Бей по железу.
- Куй собственные цепи.
- Братья, братья, мы куем собственные цепи.

Глухой удар большого молота обрывает этот бурный и живой поток, и дальше он течет ровно и устало.

- Кто освободит нас от власти машин?
- Покажет небо? Покажет солнце?
- Царь Голод!
- Царь Голод!
- Нет, он враг. Он загнал нас сюда.
- Но он нас и выведет отсюда.
- Он страшен. Он коварен и лжив. Он зол. Он убивает наших детей. У наших матерей нет молока. Их груди пусты.

- Грозным призраком стоит он у наших жилищ.
- От него некуда уйти. Он над всею землею.
- Тюремщик!
- Убийца!
- Царь Голод! Царь Голод!

Удар молота.

- Нет, он друг. Он любит нас и плачет с нами.
 - Не браните его. Он сам несчастен. И он обещает нам свободу.
 - Это правда. Он дает нам силу.
 - Это правда. Чего не может сделать голодный?
 - Это правда.
 - Чья ярость сильнее?
 - Чье отчаяннее мужество? Чего может бояться голодный?
 - Ничего.
 - Ничего. Ничего!
- Несколько ударов молота.
- Зовите его сюда!
 - Голод! Голод! Голод!

- Иди сюда, к нам. Мы голодны. Мы голодны!
- Молчите, безумцы!
- Голод! Голод!
- Он идет!
- Царь Голод! Царь Голод!
- Он пришел!
- Царь Голод!

На середину, в полосу багрового света, из горна быстро входит **Царь Голод**. Он высокого роста, худощавый и гибкий; лицо его, с огромными черными, страстными глазами, костляво и бледно; и волосы на точеном черепе острижены низко. До пояса он обнажен, и в красном свете отчетливо рисуется его сильный, жилистый торс. И весь он производит впечатление чего-то сжатого, узкого, стремящегося ввысь. В движениях своих Царь Голод порывист и смел; иногда, в минуты задумчивости и скорби, царственно-медлителен и величав. Когда же им овладевает гнев, или он зовет, или проклинает – он становится похож на быстро закручивающуюся спираль, острый конец свой выбрасывающую к небу. И тогда кажется, что в движении своем, как вихрь, поднимающий сухие листья, он подхватывает с земли все, что кругом, и одним коротким взмахом бросает его к небу.

Голос его благороден и звучен; и глубочайшей нежности полны его обращения к несчастным детям.

Царь Голод. Дети! Милые дети мои! Я услышал ваши стоны и пришел.

Бросьте работу! Подойдите ко мне. Бросьте работу.

Останавливается выжидающе, озаренный красным светом раскаленной печи.

И медленно собираются вокруг него работающие. Только трое из них вступают в полосу света и становятся видимы отчетливо, остальные же стоят грудью темных теней; и только кое-где случайный луч выхватывает из мрака голое могучее плечо, поднятый молот или суровый профиль.

И те, которые видимы, таковы по своей внешности.

Первый Рабочий – могучей фигурой своею и выражением крайней усталости походит на Геркулеса Фарнезского. Ширина обнаженных плеч, груды мускулов, собравшихся на руках и на груди, говорят о необыкновенной, чрезмерной силе, которая уже давит и отягощает обладателя ее. И на огромном туловище – небольшая, слабо развитая голова с низким лбом и тускло-покорными глазами; и в том, как наклонена она вперед, чувствуется какая-то тяжелая и мучительная бычаья тупость. Обе руки рабочего устало лежат на рукояти громадного молота.

Второй Рабочий – молодой, но уже истощенный, уже больной, уже кашляющий. Он смел – и робок; горд – и скромен до красноты, до заиканья.

Начнет говорить, увлекаясь, фантазируя, грезя, – и вдруг смутится, улыбнется виноватой улыбкой. На земле он держится легко, как будто где-то за спиной у него есть крылья; и, кашляя кровью, улыбается и смотрит в небо.

Третий Рабочий – сухой, бесцветный, будто долго, всю жизнь, его мочили в кислотах, съедающих краски. Так же бесцветен и голос его; и когда он говорит, кажется, будто говорят миллионы бесцветных существ, почти теней.

Звук маленьких живых молотков совершенно затихает.

Царь Голод (*говорит властным голосом*). Слушайте, милые дети мои! Я обошел все царство труда, царство голода и нищеты, бесправия и гибели – все великое и несчастное царство мое. Кто видел Голод плачущим? А я плакал, дети